

В л а д и м и р С а л м о н

П О Т Р А М В А Й Н Ы М П У Т Я М

•

Похолодание пришло,
и вспомнились стихи Шкляревского,
да так, что зубы мне свело
от звука чистого и резкого.

Москва не любит холодов.
Пустеют вдруг дворы и скверики,
а стены серые домов
причиной могут стать истерики.

В такие дни — упадка сил,
сниженья жизненного тонуса —
кто бы чего ни говорил,
легко с тоски мозгами тронуться.

В такие дни — не грех иметь
на всякий случай томик лирики,
и, чтоб хандрой не заболеть,
позвать соседа в собутыльники.

•

Надо было учиться у рыб
находить меж сетями проход,
продираться меж каменных глыб
и веселый водить хоровод.

Надо было учиться у птиц
обходить птицеловов силки
и не знать ни преград, ни границ,
где дозор свой несут погранки.

Надо было к зверушкам лесным
нам пойти в обученье с тобой,
чтобы лазом ходить потайным
научиться, секретной тропой,

чтобы в чаще дворов проходных
научили лавировать нас,
в лабиринте бульваров ночных
уходить от погони подчас

по знакомым нам с детства местам,
колесить, заматавая следы,
удирать по трамвайным путям
от судьбы, от долгов, от нужды.

●

Снял хулиганскую кепку,
интеллигентский берет
из гардероба, как репку,
вытянул снова на свет.

Необходимо, однако,
что-нибудь в жизни менять,
чтоб никакая собака
след не сумела твой взять:

горе-злосчастье,
невзгоды,
самая что ни на есть
хворь людоедской породы,
кара, возмездие, месть.

•

Дача. Осень.
Том воспоминаний
наших беллетристов страшно взять,
лучше изученью расписаний
электричек час-другой отдать.

Интересно знать на всякий случай,
что на Тулу первый поезд в семь,
когда солнце скрыто ночи тучей,
на дворе лежит ночная темь.

Я поставлю небольшую птичку,
красный карандаш взяв со стола,
чтоб отметить эту электричку
и вечерний поезд до Орла.

Хмурым днем, ненастною порою
мысли невеселые на ум
мне приходят, как глаза закрою,
слыша стук дождя и ветра шум.

В жизни может всякое случиться,
так что зарекаться от сумы
и тюрьмы нельзя, как говорится,
под покровом непроглядной тьмы.

•

Дети ушли, но на детской площадке
долго еще их слышны голоса,
будто играют они с нами в прятки.
Это ли, граждане, не чудеса?

Хлопнула фортка,
которую прежде,

чем задремать, я закрыл на замок,
встав, чтоб закрыть ее, в нижней одежде
я на ветру совершенно продрог.

Ветер казался мне резким и жестким,
пахнувшим, словно в заливе вода,
флотским гальюном иль камбузом флотским.
Фортка была между тем заперта.

Бледный, босой, как матрос на причале,
крепко держащий швартовый канат,
стоя на стуле,
в безбрежные дали
я устремлял испытующий взгляд.

●

Неблизкий путь. Нелегкая дорога.
Я вышел проводить жену свою.
Два Ангела стояли у порога
у пресловутой бездны на краю.

И я спросил: *Зачем на вас доспехи,
в руках щиты и острые мечи,
ведь, верно, вы пришли не для потехи,
как клоуны, фигляры-циркачи?*

*Иль для того, чтоб заковав в железо,
вкусившую всех тягостей сполна,
в век торжества науки и прогресса
на Суд вести, поднявши ото сна?*

Молчат. Не отвечают. Презирают.
Так мытари, взыскатели долгов,
с презрением намеренным взирают
на лживых и беспечных должников.

*Но разве эта женщина — должница,
что к ней с мечом явились ночью вы,
а не богиня, гордая царица,
Семирамида нынешней поры?*

●

Было близко, стало далеко.
И теперь я езжу на трамвае
в те места, куда дойти легко
прежде мог, усталости не зная.

С глаз как будто спала пелена,
перспектива дальняя открылась,
обнажила осень, как война,
то, что за густой листвой таилось:

заострились мягкие черты
летнего московского пейзажа,
облетели скверы и сады,
подноготная предстала взорам наша.

А она, как нос ни ворота,
обладает мощным притяжением,
мимо не проехать, не пройти
никому за редким исключением.

Разве что какой-нибудь подлец
к ней не проявляет интереса —
подгулявший барин иль купец,
глядя из окошка мерседеса.

●

Один мой друг «Роз де массе»
советовал для снятия стресса,

другой — уехать в Туапсе,
а третий — вовсе был повеса.

Советам дружеским не внял,
не запил горько, не уехал,
но все о жизни размышлял,
пером карябал, бекал, мекал.

Всерьез лил слезы о былом
и гнал пургу о дне грядущем,
и вокруг стола скакал козлом,
крича истошно о насущном.

Не шутки ради.
Все всерьез.

На склоне лет самозабвенно
увлекся разведением роз,
что пошло и несовременно.

Не модно разводить цветы,
хозяйством дачным заниматься
и лицеизренью красоты
отчизны нашей предаваться.

●

Я в ящике стола тетрадь
нашел, она была пустая.
И больше нечего сказать
о ней — тетрадь простая.

Вполне возможно, что тот год
был на стихи неурожайный,
забит, как ватой, был мой рот
какой-то прозой случайной.

Пустыми хлопотами я
был увлечен
иль сильным чувством
охвачен, что никак нельзя
с высоким разделить искусством,

и, под собой не чуя ног,
я, как без костылей калека,
нередко обходиться мог
без слов, что для любви — помеха.

Кулек конфет мне передали с воли.
Дежурная спросила: *От кого?*
Ей отвечали: *Не играет роли,*
сам мальчик догадается легко.

А я не догадался, я не знаю.
Был в пионерском лагере тогда
день неприятный, как я понимаю.
Иль карантин?
Час страшного суда?

С фруктовой начинкой карамельки
и с шоколадной пастой, вроде тех,
что назывались «Раковые шейки»,
по-братски поделили мы на всех.

Весь вечер на зубах у нас хрустело.
Текло по бороде и по усам.
Значенья никакого не имело,
кто подарил мгновенья счастья нам.